

УДК 82.0

UDC 82.0

**ПРОБЛЕМА ГЕРОЯ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ РОМАНЕ-АПОКРИФЕ****PROBLEM OF THE HERO IN THE MODERN
RUSSIAN NOVEL-APOCRYPHAL STORY**

Ротай Сергей Владимирович
ООО «ЕвроТек», Краснодар, Россия

Rotai Sergey Vladimirovich
«EuroTech» Ltd., Krasnodar, Russia

Статья представляет литературоведческий анализ двух современных русских романов («Се человек» Э. Бутина и «Мой старший брат Иешуа» А. Лазарчука), посвященных художественному жизнеописанию героя, чье имя, судьба, речи и контексты вызывают обязательные ассоциации с образом Иисуса Христа канонических Евангелий

The article is dedicated to the literary analysis of two modern Russian novels (“This is a man” by E. Butin and “My senior brother Ieshua” by A. Lazarchuk). These two novels narrate about a life of the hero, whose name, destiny, speeches and contexts cause obligatory associations with an image of Jesus Christ from initial Gospels

Ключевые слова: ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ,
СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА, РОМАН-
АПОКРИФ, ОБРАЗ ХРИСТА В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНВЕРСИЯ
КАНОНИЧЕСКИХ СЮЖЕТОВ

Keywords: THE THEORY OF THE LITERATURE,
MODERN RUSSIAN PROSE, THE NOVEL-
APOCRYPHAL STORY, THE IMAGE OF CHRIST
IN ART TEXTS, LITERARY INVERSION OF
INITIAL PLOTS

В литературном процессе XX века и первого десятилетия нового столетия значительное место занимают художественные произведения, синтезирующие жанровые признаки и мировоззренческий поиск совершенно разных эпох словесности. Активно взаимодействуют роман и миф, повесть и притча, поэма и ритуал. Контакт архаических или традиционалистских форм сознания и форм современного мышления происходит, как правило, в контексте новейших достижений литературы, с учетом методов и стилей, которые заставляют говорить о модернизме и постмодернизме. Но это не значит, что миф, притча или ритуал полностью растворяются в жанровых структурах, далеких от того времени, когда словесное творчество было в большем контакте с жизнью, с духовной реальностью, чем в наши дни. Синтез, позволяющий говорить, например, о романе-притче или романе-мифе, всегда учитывает присутствие разных контактирующих систем.

Достаточно большой корпус текстов, созданных в жанре романа, позволяет говорить о том, что востребованным оказывается метод парафразы или инверсии событий, имеющих прямое отношение к Библии,

к книгам Ветхого и Нового Заветов. В романе Т. Манна «Иосиф и его братья» на основе последних глав «Книги Бытия» разрастается целая эпопея, трансформирующая миф в психологическое повествование, в своеобразный детализированный эпос, который просто невозможно представить в границах древнееврейского сознания. В романе Л.М. Леонова «Пирамида», уделившего большое внимание «Книги Еноха», написанной более двадцати веков назад, в Москве 1940 года происходят события, вызывающие образ Апокалипсиса. Подобных текстов много. Огромная популярность романа М.А. Булгакова объясняется и тем, что в структуре произведения – «сюжет Иешуа», который невозможно не сопоставить с евангельской историей Иисуса. Такие произведения мы считаем возможным назвать «романами-апокрифами».

Остановимся на двух современных произведениях - на романах Эрнста Бутина («Се человек») [1,2] и Андрея Лазарчука («Мой старший брат Иешуа») [5], поставив перед собой задачу рассмотрения ключевой для этих текстов проблемы героя.

Роман Э. Бутина – объемный текст, но фабула не занимает в нем главных позиций. С одной стороны, автор пытается следовать евангельским событиям, сохраняя последовательность всем известных действий. Таким образом, фабульная часть текста не становится для читателем откровением, она вполне предсказуема. С другой стороны, всесторонняя детализация (портрет, сознания, описания контекстов) способствует увеличению объема текста.

Проблема героя оказывается на первом плане. Э. Бутина интересует не один герой (модель канонических Евангелий), а два – Иисус и Иуда. Оба героя с евангельскими именами образуют повествовательный центр. О чем свидетельствует их сюжетное единение? 1) Автор, сохраняя формальное соответствие первоисточнику (Иисус – жертва, Иуда – предатель), предлагает иную версию, которая снимает с Иуды однозначное

обвинение в предательстве. 2) Выдвижение Иуды в центр повествования, его претензии на роль главного героя романа показывают апокрифическую методологию автора: смена точки зрения, изменение места и роли персонажа – типичный для апокрифического повествования прием. 3) Сближение Иисуса и Иуды в рамках романного сюжета показывает авторское стремление к синтезу, который вряд ли можно обнаружить в Новом Завете: можно предположить, что для Э. Бутина имеет серьезное значение взаимодействие Иисуса и Иуды как олицетворений особый идеологических установок. 4) Создание «сдвоенного центра», состоящего из двух героев, которые противостоят друг другу в канонической истории, понижает значение других учеников Иисуса, еще раз подчеркивает их периферийность. 5) С точки зрения оформившихся традиций в интерпретации евангельских событий большое значение имеет гностическая методология истолкования сюжетов Нового Завета. Сближение Иисуса и Иуды посылает сигнал о присутствии именно этой традиции. К моменту написания и выхода в печать романа Э. Бутина апокрифическое «Евангелие от Иуды» не было опубликовано, но информация о нем была доступна на основании различных богословских свидетельств и литературно-художественных текстов (например, «Три версии предательства» Х.Л. Борхеса, «Евангелие от Иуды» Г. Панаса).

Если вести речь о поэтике образа Иисуса в романе Э. Бутина, то акцент следует сделать на процессе, который можно назвать «преодолением иконописности». Для автора очень важно показать героя как принципиально романного персонажа, а не как личность, соответствующую исключительно ритуально-религиозному тексту. Человечность и двойственность стремится подчеркнуть Э. Бутин в образе Иисуса. В словах Равви «слышалась легкая грусть, пропитанная неуверенностью», он «крупно вздрагивает», может предстать «вялым, изможденным, равнодушным ко всему». Сын Человеческий «равнодушно

пожимает плечами», заставляя читателей соотнести образ романного Иисуса в действиями и чувствами, не присущими Христу в Новом Завете. Глаза Равви могут становиться «недобрыми».

Отметим основные черты поэтики образа Иисуса в романе «Се человек» и стилистические черты повествовательной модели в целом. 1) Происходит расширение контекста евангельской цитаты: узнаваемое, известное по Новому Завету слово – в ситуативном, житейском контексте. 2) Создается образ движения, новой по сравнению с каноном позы, которая фиксирует динамику поведения героя, ритм его внешних и внутренних изменений. 3) Отмечается конкретизация характера и настроения, возникают необходимые для романного дискурса полутона, лишаящие портрет героя признаков, которые свойственны религиозно-житийным текстам. 4) Особое внимание уделяется внутренним процессам, обеспечивающим усложнение образа, таким образом, снижается представление о монолитной природе персонажа. 5) Перед читателем вырисовывается не монологическое, а диалогическое, конфликтное повествование, сообщающее информацию о сложных взаимоотношениях двух главных героев романа, чьи образы трансформируют представления о каноническом сюжете «Христос и Иуда».

Главный конфликт, который становится определяющим для автора, - в художественном становлении взаимодействия Равви и Иуды. Бутинский Иуда близок к идее революции, насильственного свержения строя, не соответствующего представлениям о практическом добре и справедливости. Если Иисус, не лишаясь житейских обстоятельств и контекстов, реализует метафизические смыслы, мысль о жертвенной философии, о нравственном совершенстве, то Иуда в романе всегда сближается с практикой и конкретикой жизни, которая выражает заботу о судьбе человека на земле. Иисус в концепции Бутина олицетворяет религиозное начало, а Иуда – революционное начало. Одна из задач

Иисуса в романе «Се человек» - сохранить Иуду как человека, способного на поступок, подвиг, на силовое действие, но и, так или иначе, блокировать его военные стремления, страсть к рационально-милитаристскому решению проблем.

Иуда в литературно-апокрифической концепции Э. Бутина не менее значим, чем Равви. Его «суровое лицо с глубокими морщинами, с перебитым в драке носом» появляется в тексте, пожалуй, чаще, чем лицо Сына Человеческого. Отношения Иуды с Иисусом – конфликт и стремление к единению одновременно. Иуда – олицетворенная надежда на то, что народ наконец-то уничтожит захватчиков-иноплеменцев. Необходимо предпринять нечто такое, «что взбудоражило бы всех».

Если Иисус – символ прямого пути, не допускающего компромиссов в слове и деле, то Иуда – символ косвенного, сложного движения, которое допускает компромиссы и даже шаги, которые можно назвать «этическими падениями». Отношения бутинского Иуды к Иисусу лишено ритуального поклонения, бездумного прославления или абсолютного смирения. Иуда в романе «Се человек» - персонификация активной любви, когда разум сохраняет свое значение и, можно сказать, контролирует движение чувств.

Иисус – жертвующий собой, не лишенный особо подчеркнутой человечности. Роль Иуды – роль трикстера, который должен взять на себя все внешне негативные функции для того, чтобы миссия Иисуса по-настоящему состоялась. Иуда умеет обманывать, подвергать частому сомнению те или иные заявления Равви, иногда отказывается понимать Иисуса и прислушиваться к его речам. У него есть сомнения и неуверенность, по его мнению, Равви часто «запутывает и усложняет». Он способен негодовать на апостолов, выявляя их внутреннюю трусость и нежелание подвига, стремление воспользоваться жертвой. В романе Э. Бутина Иуда приближается к самоубийству, но – вопреки канонической

позиции – отказывается от него. Прежде всего, потому, что не виноват в том, в чем он обвиняется во всех христианских контекстах.

Иуда никогда не теряет самостоятельности, не становится вторым «Я» Иисуса, не соединяется с образом Равви. И тогда, когда Иисус собирается идти на крест, и после его воскрешения, Иуда – индивидуализированный персонаж. Его позиция – «рядом», но с сохранением некоторой дистанционности, обособленности. Можно предположить, что заголовок («Се человек») в равной степени относится и к Иисусу, и к Иуде, подчеркивая разные грани человечности, которые раскрываются в ходе «апокрифического» сюжета. В целом, мотив глобального единства двух главных героев в рамках решения единой проблемы смерти и воскресения сохраняется на протяжении всего повествования.

Кратко опишем фабулу романа А. Лазарчука «Мой старший брат Иешуа». Иешуа, сын Антипатра и внук Ирода, был спасен от уготованной ему смерти стратегически мыслящим Оронтом и отдан для сбережения и воспитания в семью Иосифа и Марьям, которые не отделяли его от родных детей, от дочери Деборы, например. Иешуа, зная о своем рождении и царском предназначении, вырос готовым к борьбе за власть. В свое время Оронт призвал к ней Иешуа, Иоханаана, и борьба, больше похожая на явление гуманистов и практиков антифарисейского понимания жизни, протекала не среди аристократов-интриганов, а в народных массах. Вокруг Иешуа собрались не столько апостолы (целостного, «христианского» учения у Иешуа нет), сколько бойцы и просто добрые люди, собирающиеся вернуть Иешуа его законную, рождением и наследственностью предназначенную власть. Мирным путем, используя равнодушие и даже некое сочувствие Рима, сделать дело не удалось. Иешуа и его соратники проиграли, все были убиты.

Главным действующим лицом и одновременно самой важной повествовательной инстанцией в романе «Мой старший брат Иешуа» является Дебора, чья судьба (в форме предельно беллетризованной автобиографии) занимает ключевую позицию текста. Все, о чем узнает читатель, оформляется в сознании Деборы, занимающей активную позицию в повествовании, которая не ограничивается внеэмоциональным рассказом, и заинтересованно расставляет акценты, оценивает происходящее. Ее волнуют не только семейные дела, но политические проблемы, дворцовые интриги, богословские рассуждения. Общая мировоззренческая позиция героини-рассказчицы – просвещенный атеизм, в рамках которого возможен интерес к религиозности, но не допустимо принятие целостно выраженной религиозной позиции. Об этом надо помнить, учитывая, что Иешуа – «герой сознания» Деборы, своей сестры, правда, сестры не по крови, а по детству, взрослению и единому стратегическому замыслу.

Отметим основные особенности образа Иешуа как персонажа, который соотносим с Иисусом канонических Евангелий. Эта соотносимость предполагается обязательно, ведь основные сюжетные линии романа Лазарчука, имена героев, конфликты и события, время и пространство связаны с каноническими повествованиями. 1) Иешуа – человек; ни о какой божественной природе, связи с метафизическими сферами не может быть и речи; метафизические темы и предметы присутствуют исключительно в немногочисленных речах, им посвященных, и не имеют объективного характера. 2) Главный драматизм образа Иешуа заключается в том, что он – человек с очень непростой судьбой; Иешуа законный наследник иудейского престола, сына Антипатра, внук Ирода, который знает о своем происхождении и связанных с ним целях и задачах. 3) Иешуа – главное действующее лицо в реализации замысла по спасению наследника и его постепенного

возвращению во власть ради справедливого, позитивного царствования. 4) Гениальным учителем, принесшим новое слово об изменении жизни и спасении, Иешуа назвать нельзя; он далек от проповеднических талантов евангельского Иисуса, он не стремится стать учителем жизни, ответственным за новую нравственную систему. 5) Следуя этике практического добра, приносящего пользу людям, Иешуа устремлен к решению духовных вопросов в социально-политических контекстах; с помощью соратников он собирает армию, которая должна привести законного царя к справедливой власти; этим царем будет сам герой романа А. Лазарчука. 6) Способностями чудотворца Иешуа совсем не обладает; часто доносятся слухи о его чудесной мощи, о способности исцелять и воскрешать, но все эти речи о божественной даре в тексте романа истолковываются в традициях позитивизма, рационально – как события речи, но отнюдь не факты самой действительности. 7) Эпического характера, отличающего монументальных борцов со злом, у Иешуа нет; ему присущи сомнения, неудовлетворенность, печаль, утрата оптимизма и веры в победу. 8) В событиях, связанных с героем, в его романном образе нет мифологичности и ритуальности; не задействованы механизмы, которые могли бы помочь в истолковании героя как религиозно-мифологической фигуры, обладающей метафизическими мотивами; Иешуа Лазарчука – не религиозная фигура. 9) Смерть Иешуа не является отдельным важным событием произведения; час смерти и место захоронения не известны; о воскресении, победе над смертью и личным созданием нового учения о спасении речь не идет. 10) Все стремления перевести жизнь Иешуа в религиозно-мифологический контекст оцениваются рассказчиком как усилия, не имеющие отношения к планам самого Иешуа.

«Помните, гордецы и надменные: какую мерою меряете, такую же и вам будет отмерено... Так говорил Иешуа», - первое явление слова героя в

памяти рассказчицы [5, 93]. Надо отметить, что императивный стиль, который отмечается в данной цитате, встречается в романе редко. Значительно чаще слова Иешуа – в контекстах менее обязательных, не вызывающих ассоциаций со стилем проповеди. Вот примеры речей романного Иешуа: «Иешуа сразу сказал, что намерен не воевать, не заливать страну кровью, а покорить ее нежно и бережно – может быть, так, чтобы римляне и не заметили этого» [5, 242]; «Я делаю то, чего не хочу делать. От чего моя кожа идет коростой. Я не хочу быть царем. Я бы лучше строил шлюзы» [5, 246]; Во-первых, автор подчеркивает отсутствие внутреннего единства в душе героя: он сомневается, для него характерна двойственность, которая сказывается к необходимости делать то, что он не желает. Во-вторых, очевидно снижение силовых значений в характере героя: Иешуа не хочет войны, не видит себя царем. В-третьих, герой показан в зависимости от судьбы, которую сам он не выбирал: лучше «строить шлюзы», но приходится исполнять роль в стратегическом замысле, связанном с решением духовно-политических задач. «Иешуа хотел стать моряком», - вспоминает Дебора [5, 161], по замыслу автора, довольно часто выявляя контраст внутреннего желания и внешней миссии.

Мотивы мемуарного жанра, выявляющего в тексте, приписанном Деборе, свободный характер воспоминаний, чуждых и агиографии, и проповеди, позволяют сделать акцент на необязательных подробностях. «Необязательных», - с привычной точки зрения, основанной на стандартном восприятии евангельского текста. Но А. Лазарчук стремится убедить читателя в том, что его история лишь формально восходит к Евангелиям, но жанрово, стилистически никак с ними не связана: «Из-за того, что мы жили среди греков и среди египтян – а надо сказать, что тех и других было нелегко отличить друг от друга, - мы с Иешуа больше походили на греческих детей, чем на еврейских. Так, например, нас не смущала нагота, и мы умели плавать. Иешуа плавал как рыба, он мог

уплыть в море утром, а вернуться к вечеру; еще он глубоко нырял и доставал со дна огромные раковины. Потом, много лет спустя, Иешуа это умение спасло: их лодка попала в бурю на Галилейском озере, и кто-то из гребцов в панике столкнул его, сидевшего на корме, в воду. Он легко добрался до берега вплавь, причем даже быстрее, чем туда пришла лодка, чем немало изумил своих товарищей» [5, 159]. 1) В ненавязчивой форме говорится о расширении национальных контекстов: Иешуа, будучи законным наследником израильского царя, не замкнут на общении с представителями своего народа, открыт для общения с миром. 2) Можно говорить об определенном античном контексте повествования: «греческие» доминанты меняют стиль повествования; в нем значительно больше описаний, чем поучений. Античный стиль ассоциируется с минимальным присутствием дидактики, которая уступает и повествованию, и принципу визуального восприятия мира. 3) Известное по Новому Завету чудо истолковывается в контексте житейского опыта: Иешуа не ходил по воде, а просто быстро плавал, что и создало иллюзию сверхъестественного события.

Одна из главных задач автора – вписать образ Иешуа в художественно-историческое пространство, свободное от любых проявлений сакральности. «Как всем царям, ему приписывалось волшебное умение исцелять наложением рук, поэтому к нему часто несли больных и увечных», - сообщает рассказчица, совершенно не разделяя надежд тех, кто приходит за исцелением [5, 248]. «От Иешуа хотели всего и сразу, хотели чудес. Чудес же он дать не мог...», - еще раз обращается Дебора к одному из главных мотивов романа [5, 275].

Одна из самых детализированных, подробных сцен – свадьба Иешуа и Марии, которая сразу же принципиально отделяет образ романного героя от Иисуса канонических Евангелий. Сын царя, который должен вернуть власть; женатый человек; военачальник, управляющий армией, решающей

политические задачи; уставший герой, ничего не знающий о чудесах и не слишком любящий думать о Боге, - образ вполне может быть воспринят как литературная полемика с христианским восприятием образа Иисуса Христа. Иешуа, созданный А. Лазарчуком, сторонник компромиссов, легкости и спокойного отношения к людским слабостям. «Иешуа разрешил уличные шествия по домашним и семейным праздникам, разрешил звать на них музыкантов и танцовщиц, играть громкую музыку до десятого часа ночи, до второй стражи, а также определил на суде, что ежели встретятся или пересекутся похоронная процессия и праздничная, то похоронная должна остановиться и пропустить праздничную, поскольку жизнь главнее смерти...», - вспоминает Дебора [5, 313]. Веселье значимее печали, а жизнь главнее смерти, - сказано в тексте. Если воспринять этот тезис достаточно серьезно, в философском ключе, то может появиться мысль о методе преодоления смерти – не метафизическом воскрешении, а земной радостью. Таким образом, образ Иешуа – в гуманистическом, а не религиозном контексте.

Ключевые евангельские конфликты, превращающие каноническое повествование в текст, приближающийся по пафосу к античной трагедии, максимально снижены. А. Лазарчук не допускает ни централизации образа Иешуа, ни превращения конфликтов в значимую область текста. В романе нет специального внимания к противостоянию Иешуа и фарисеев, не говорится о предательстве Иуды, о трусости учеников, об отступлении народа. Особенно ярко авторское желание снизить напряжение конфликтов проявляется в изображении отношений Иешуа и Пилата. Подробно рассказывается о том, что прокуратор заинтересованно следил за Иешуа, в котором видел претендента на иерусалимский трон, был гостем на его свадьбе. «В белом плаще, без шлема, он стоял на высоком камне, когда-то вырубленном из скалы, но брошенном здесь без пользы. Рядом кто-то держал в поводу его лошадь», - эта сцена принципиально

уводит читателя от привычного образа креста [5, 341]. В романе нет ни распятия, ни воскресения, место захоронения Иешуа остается неизвестным. Из речи Деборы невозможно вывести мысль о продолжении дела ее брата, который умер так, как заканчивают жизнь воины, потерпевшие неудачу.

Нельзя сказать, что романы Э. Бутина и А. Лазарчука вызвали большой интерес. Отзывов достаточно мало. Критических, негативных оценок больше, чем позитивных откликов. «Беллетризация, “оживляж” Евангелий — дело легкое... и неплодотворное. Уже создана традиция, уже вырезаны клише, в которых Варавва — доблестный, но жестокий террорист-подпольщик, Иуда — неистовый еврейский патриот, а Иисус Христос — таинственный, непонятный и непонятый проповедник религии всечеловечества...», - комментирует Н. Елисеев произведение Э. Бутина [4]. «Самое загадочное в этой книге — цель, ради которой она создавалась. Писатель не пытается что-то доказать, опровергнуть или высмеять. Десакрализация образа Христа — задача для него явно не центральная. Так что же, «Мой старший брат Иешуа» — очередной роман-размышление о роли личности в истории? Или, точнее, об отсутствии таковой — о том, что история сама по себе, а личность — сама по себе? Автор упорно избегает дидактики: Дебора всего-навсего рассказывает историю своего старшего брата, которую нам остаётся трактовать в меру своего разумения», - пишет В. Владимирский о романе А. Лазарчука [3].

Рассмотренные нами произведения интересны, прежде всего, в контексте ставшего традиционным литературного обращения к образу Иисуса Христа. Отметим основные тенденции в становлении концепции героя в романах Э. Бутина и А. Лазарчука. 1) Идея божественной миссии исчезает или уходит на второй план, на первом плане — человечность Иисуса (Иешуа), его психология, внутренний мир, проблема выбора. 2) Иисус не занимает однозначно центральной позиции в тексте: в романе Э.

Бутина особое значение имеет взаимодействие Иисуса с Иудой, в романе А. Лазарчука миссия Иешуа – плод стратегического замысла, решающего духовно-политические задачи. 3) Речь героя, столь значимая для формирования образа евангельского Христа, не является определяющей в исследованных художественных текстах; акцент – на фабуле и на детализации психологических состояний. 4) В становлении образа героя активно задействованы разнообразные неканонические контексты: социально-исторический, политический, гностический, атеистический и другие.

Литература

1. Бутин Э. Се человек. Роман-апокриф // Урал, 1997, № 5-6.
2. Бутин Э. Се человек. Роман-апокриф. Книга вторая // Урал, 2003, № 8-10.
3. Владимирский В. Евангелие от Лазарчука // <http://www.chaskor.ru/p.php?id=10522>
4. Елисеев Н. Пятьдесят четыре. Букериада глазами постороннего // Новый Мир, 1999, № 1; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/1/elis.html
5. Лазарчук А. Мой старший брат Иешуа. М., 2009. 352 с.